

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1868-й годъ.

Уитаю я отчетъ государственнаго контроля за 1867 г. Результаты превосходные. Расходы противъ 1866 г. уменьшились до 15 милліон., и государственное казначейство имѣло въ своемъ распоряженіи свободныхъ отъ росписи 1867 г. суммъ при исполненіи росписей послѣдующихъ лѣтъ до 30 милліон. Да чего же лучше? Правда, расходы и умножились. Умножились на $7\frac{1}{2}$ милліон. Но это увеличеніе произошло отъ обстоятельствъ временныхъ, единовременныхъ (Ольга Константиновна, пріѣздъ короля, путешествія внутри и за границею и др.), а уменьшеніе относится къ условіямъ нормальнымъ. Чего же лучше? Едва ли все такъ хорошо. Убытки на курсъ, правда, не скрыты, но не выведены эти убытки по оборотамъ торговли и банка. Вообще банковыя операціи стоятъ какъ бы внѣ контроля. Да и всё-ли счеты тутъ значатся? И жандармы, и подкупъ печати, и Славянскія субсидіи?

Какъ трудно укладывается наша кассациія, можно видѣть и изъ того, что сенаторъ Гань, никогда не бывшій юристомъ, назначенъ въ кассационный департаментъ, и изъ того, что этотъ эmissаръ, послѣ двухнедѣльныхъ занятій, отказался и отъ занятій, и отъ увеличеннаго оклада, потому, какъ объяснилъ министру, что матеріальный трудъ неисполнимъ и не подь силу въ извѣстномъ возрастѣ, и что часто мелочность и ничтожность занятій унижаютъ достоинство государственнаго положенія. Комедія-ли это, сыгранная для того, чтобы чрезъ опороченіе кассации попытаться подорвать весь новый порядокъ суда, къ которому ММ-гс де-Вьсть и де, „взамнаго поземельнаго кредита“ стоятъ самымъ враж-

*) См. выше, стр. 465.

дебнымъ образомъ, но и въ преувеличеніяхъ Гана есть своя доля правды. Мы дѣйствительно, и при 2¹/₂ округахъ, завалены жалобами, и жалобы эти часто до того безсмысленны, безграмотны и ничтожны, что себѣ не вѣришь, чтобы послѣ занятій на высшихъ государственныхъ постахъ 35 лѣтъ, пришлось, какъ помощнику секретаря, заниматься сырымъ матеріаломъ, масса котораго подавляетъ всѣ усилія. Эта масса и невольныя противорѣчія въ толкованіяхъ, способныя произвести смуту въ умахъ и убѣжденіяхъ подсудимыхъ, судей и юристовъ—вотъ два главные врага кассациі, и они ее подрываютъ и подмываютъ. Кассациія родилась изъ злоупотребленій королевской власти, вторгавшейся, чрезъ государственный совѣтъ, въ суды и парламенты. У насъ она и теперь уже давить единичное учрежденіе и кишитъ противорѣчіями рѣшеній за 2¹/₂ года. Очевидно, что составители не дали себѣ точнаго отчета о томъ, какъ разовьется кассациія и имѣются-ли на мѣстахъ достаточныя средства не только въ юристахъ, но даже въ грамотности. Мы теперь озабочены, какъ бы помочь дѣлу. По мнѣнію моему два условія необходимы: ограничить кассацию на сѣзды тюремнымъ заключеніемъ и установить немудреную, самую непривязчивую, но опредѣленную форму кассационной жалобы. Всѣ наши учрежденія задумываются непрактическими людьми очень широко: свобода и самоуправленіе крестьянъ, земство, свобода печати, свобода питейной торговли и др. и обязательныя послѣдствія вызвали ограниченія и изытія. Натура широкая не требуетъ развитія, а скорѣе обузданія и направленія.

Пріѣздъ князя Черногорскаго, по крайней мѣрѣ, не во время,—когда безпокойства въ христіанскихъ областяхъ Турціи и безъ того даютъ такъ много поводовъ Бейстамъ и гласности обвинять Россію (и не безъ основанія) въ подстрекательствѣ. Кн. Николай принять очень ласково; онъ и на завтракахъ, и на обѣдахъ у Государя, и на парадахъ, и въ царской ложѣ въ театрахъ; его посѣтили великіе князья, канцлеръ и кн. П. П. Гагаринъ. Домъ (Шипова, у Николаевск. моста), экипажъ и содержаніе отъ двора. На другой же день ему пожалована лента Бѣлаго Орла. Личные знаки вниманія ото всѣхъ повсюду. Вопросъ: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Болѣе важный вопросъ: во время-ли онъ пріѣхалъ? Въ Парижѣ идетъ конференція о примиреніи Турціи съ Греціей (конференція бесплодная, потому что примиреніе съ Исламомъ невозможно), а на Грецію смотрятъ всѣ Турецкіе Славяне; во время-ли Черногорскій владыко, въ Январѣ, пріѣхалъ изъ Цетиньи въ Петербургъ? Если эта неловкость доказываетъ безнадежность Турціи, то она извинительна; но едва-ли и послѣ признаній Стенли Европа откажется отстаивать Турцію.

Проводы Лукки и встрѣча Аделины Патти (маркизы де-Ко) имѣли какой-то царственный видъ. Оваціи имъ походятъ на народныя мани-

фестаціи. Подарки, имъ приносимые, имѣють значеніе наградъ національныхъ. Петербургъ торжествуетъ, Петербургъ въ упоеніи.

Но, Боже мой, гдѣ же тутъ правда? Пьянствующій, невѣжественный, голодающій народъ ждетъ отъ васъ хлѣба, а вы бросаете ему камень; онъ проситъ школы, а отъ васъ летитъ къ нему афишка. Онъ желаетъ отрезвленія, а вы опьянѣли сами.

Какъ овладѣваетъ мною мизантропія, какъ тяжело мнѣ смотрѣть на эту безумную роскошь (100, 200 р. за ложу, 500 р. за букетъ,— за снопъ ландышей), на эти необузданные аплодисменты и вызовы! Нынче мнѣ особенно грустно заноситъ мой обычный плачъ еще и потому, что сегодня скончался даровитый нашъ маэстро Дорогомыжскій и въ газетахъ читается прекрасный приказъ генерала Трепова о смерти (бывшаго городского стража) надзирателя Тяпкина. Молодецъ этотъ бросился на несущуюся по Невскому тройку и былъ смятъ ею подъ сани. Освободившись, онъ вскочилъ и взялся за возжи, но упалъ безъ чувствъ, у него переломаны были ребра и ноги. Приказъ дѣлаетъ честь нашему очень популярному оберъ-полиціймейстеру. Лукка, Патти, дайте концертъ въ пользу семейства!

Опять записываю: я постоянно чувствую ослабленіе физическихъ и умственныхъ силъ и едва ли вынесу массу и требовательность нашей кассациіи. Начинаютъ болѣть и глаза, какъ лѣтомъ 1863 г. Много и нравственной неудовлетворительности. Кассация меня пугаетъ не своимъ могуществомъ, но запутанностію канцелярской казуистики, которая и теперь уже сильно развилась въ кругу малограмотныхъ провинціальныхъ писаекъ, пробавляющихся безчисленными ссылками на кассационныя рѣшенія. Чувствуешь какую-то неопредѣленность, случайность въ отправленіи высшаго, руководящаго правосудія и невольно робѣешь быть участникомъ въ смутѣ понятій по столь важному дѣлу. Я думаю, это имѣетъ большое вліяніе на мою бессонницу, которую я приписывалъ ревматизму въ правой рукѣ, очень чувствительному при нашихъ частыхъ атмосферическихъ перемѣнахъ. Сегодня 17^о, а завтра оттепель.

Много противорѣчій новаго мирового устава со старымъ Уложеніемъ, а я болѣю! Между тѣмъ какъ женящаяся молодежь (Семень и Пармень) веселятся съ утра до утра; умирающій дядя ихъ, А. А. Боборыкинъ не знаетъ, гдѣ преклонить голову и вѣроятно кончитъ страдальческую жизнь гдѣ нибудь въ чужихъ людяхъ. Слабы и слабѣють семейныя связи. Жаль мнѣ бѣднаго Александра, а виноватъ самъ и виноватъ неизвинительно, своею неумѣlostію и своимъ упрямствомъ.

NB. Письмо отъ Павла Теплова (о пребываніи брата въ Молдовомъ) успокоиваетъ меня—что братъ въ добрыхъ рукахъ. Страннолюбецъ Павелъ замѣчательно добрый человекъ. Дай Богъ! Я такъ

сокрушался положеніемъ немощнаго и безпріютнаго старика. Писалъ сестрѣ Полинѣ, писалъ сосѣду-доктору Герольдштейну, но вѣрно больной и бѣдный старикъ можетъ рассчитывать на пріютъ только у страннолюбцевъ.

Сидѣлъ у меня Шиповъ, А. П., агитаторъ. Онъ рассказывалъ о подкупахъ и злоупотребленіяхъ при исходатайствованіи концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ: обогащенія колоссальныя! Но кто же платитъ? Земство и государство, т. е. подать. Но подать и безъ того тяжела, индѣ невыносима. Она растетъ непомѣрно. Уже въ 1863 г. она съ 38 возросла до 46 мил. р., а по росписи на 69 годъ она требуетъ уже $94\frac{1}{4}$ милліоновъ. Она однихъ процентовъ по займамъ (вмѣсто $57\frac{1}{2}$ въ 1863 г.) платитъ 76 милліоновъ. Гдѣ же ей вознаграждать г.г. Дервизовъ, кн. С. А. Долгорукаго, гр. Адлерберга, А. Шереметева, сенатора Гернгросса и tutti quanti? Непомѣрныя обогащенія и случайность ихъ, вмѣстѣ съ непомѣрною шаткостію ученій и отношеній, суть знаменія отходящей среды и приближенія грядущей эпохи. Она скоро покажется. Она ломится всѣми путями. Дай Богъ, чтобы нервичность моя меня обманывала; я же начитался старика Гизо—*Méditations, troisième série*, который уже „20 лѣтъ примѣряетъ свой гробъ“. Нѣтъ, я не согласенъ съ Гизо. Онъ слишкомъ мало отводитъ мѣста интересамъ матеріальнымъ, хлѣбу насущному, социализму. Подать есть элементъ социальный. Наше время развило его сильно. Грядущая эпоха должна уничтожить монополіи и установить: какъ эту подать собирать и какъ ее распредѣлять.

Валовой доходъ по росписи на 1869 г. предположенъ въ 432 милліона (вмѣсто 347 въ 1863 г., когда уже установилось единство кассъ) и въ томъ числѣ водка— $132\frac{1}{2}$ милліоновъ. Непомѣрное увеличеніе!

Пребываніе князя Николая Черногорскаго здѣсь и въ Москвѣ продолжается съ порядочнымъ тактомъ. Безтактность въ самой поѣздкѣ, во всѣхъ отношеніяхъ неблаговременной. Петербургъ встрѣтилъ и угощаетъ гостя оттепелью, но ѣхать съ Черной горы въ Декабрѣ—Январѣ, нельзя назвать рискомъ. Это—необходимость, крайность. Въ чемъ же заключается эта крайность? Въ разрывѣ Турціи съ Греціей, въ готовности возстанія соединенныхъ княжествъ, Болгаріи и Сербіи? Или князю очень захотѣлось калачей и самоваровъ Московскихъ и раздать Русскимъ ревнителямъ орденъ „независимости Черногоріи?“ (Вполнѣ покорившейся Турціи по трактату 9 Сентября 1862 г.)? Распря Турціи съ Греціей непримирима, и возстаніе Кандіи послужитъ сигналомъ къ общему возстанію христіанскихъ племенъ на Балканѣ. Тамъ непременно что нибудь соглашено, приготовлено и затѣвается.

Я посѣтилъ старую знакомую графиню Неонилу Оруркъ (m-me Груберъ), старѣющую кокетку и пройдоху. Еваретинька ея (по имени прежняго мужа) по 4 году, такой избалованный, дрянной мальчикъ, что я любопытенъ знать, что изъ него выйдетъ и что онъ будетъ со временемъ. Да и будетъ-ли онъ жить?

Къ несчастію моему, споры мои съ товарищами продолжаются и начинаютъ принимать широкіе размѣры. Дѣло идетъ, между прочимъ, о допросѣ подъ присягою, ст. Уст. Уг. Суд. 98 и объ уголовно-гражданской подсудности, стт. Уст. Суд. Граж. 8 и Угол. 27 и друг. Прецеденты Сената уже внесли смуту въ понятіяхъ этихъ положеній, и отъ меня требуютъ, чтобы я принялъ и разобралъ и согласилъ эти прецеденты. Это немного много. Я согласенъ, что мы должны блюсти единство, но не окаменѣемъ-ли мы въ буквальности разъ выраженнаго воззрѣнія, и выраженнаго при томъ ошибочно? Коллеги мои безпрестанно повторяютъ, „что напрасно тогда-то коснулись этого вопроса“, „слишкомъ рѣзко будетъ противорѣчить недавнему рѣшенію, лучше теперь смолчать, обойти“, „есть и такое и иное рѣшеніе, надо держаться послѣдняго“. Знаю я, что рѣшенія для меня обязательны, знаю и давно предвидѣлъ горечь этой обязательности, но, молодая кассация, не лучше ли, въ первые годы, предоставить воззрѣніямъ болѣе свободы, чтобы практика могла выработаться всестороннѣе? Особенно несогласны со мною Н. И. Стояновскій и Б. Н. Беръ, которыхъ я всегда считалъ par excellence чиновниками.

Я такъ недоволенъ моимъ положеніемъ, весьма стѣсненнымъ, что готовъ оставить кассацию и отказаться отъ ея круглыхъ окладовъ. Меня только занимаетъ вопросъ: выходъ мой не повредитъ ли новому судебному порядку, т. е. не дастъ-ли поводъ г.г. „Вѣсти“ возвѣстить о несостоятельности этого порядка? Несостоятельность его матеріальная очевидна. Какъ одному департаменту справиться съ этою массою кассационныхъ жалобъ, безформенныхъ, безграмотныхъ и безтолковыхъ, съ 30, 40 губерній, гдѣ введены земства и вводятся мировыя учрежденія?!

Сегодня рѣшается (сомнѣваюсь) дѣло объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ Ошмаренко, его любовницы, ихъ служанки и гимназиста Сережи. Обвиняются солдатка Дарья Соколова, дворникъ съ женою и прачка. Дѣло чрезвычайно важное. Весь Петербургъ напросился присутствовать. Я не поѣду. Сличу 2 ч. XV т. Я никакихъ уликъ не вижу ни противъ дворника и его жены, ни противъ прачки, которая, кажется, у Ошмаренковыхъ и не бывала. Виновость или участіе Соколовой несомнѣнны: она сама созналась, у нея найдено поличное. Загадочно одно: могла ли женщина одна, въ Юньскую ночь, совершить четыре

убійства и, совершивъ, не воспользоваться капиталами Ошмаренко, оставленными въ котлѣ кухни (мѣсто!). Товарищи мои будутъ присутствовать. Я ожидаю путаницы. Дворникъ и прачка не изобличаются. Сегодня не кончено. Ничего не слышно. Ольга Данзасъ говоритъ, что судопроизводство не представляетъ ничего интереснаго. А путаница будетъ.

НВ. Соколова, какъ укрывательница, осуждена на 12 л. каторги. Прочіе оправданы. Товарищи мои, измученные засѣданіями двухъ сутокъ, очень недовольны веденіемъ дѣла.

„Правит. Вѣстникъ“ оказывается листомъ довольно безцвѣтнымъ, бессмысленнымъ и ничтожнымъ. Никакого интереса въ немъ нѣтъ. Это голая формальная официальность. Посмотримъ, чтѣ будетъ съ г. Григорьевымъ (оріенталистомъ). Г-нъ П. Семеновъ не сумѣлъ сообщить ему никакой занимательности. Вотъ уже 22-й №, а интереса—никакого. Я говорю отъ имени большой публики, а не чиновничества, которое можетъ найти любопытнымъ и всѣ эти примѣры и наказы, печатаемые весьма своевременно.

Вчера съ жена была во Французскомъ театрѣ и очень довольна своимъ (такъ рѣдкимъ) посѣщеніемъ. Но я не совсѣмъ этимъ доволенъ. Впрочемъ причиною и виною этому—я. Винюся. Не понимая одиночныхъ, врозь съ семьей, удовольствій, я тѣмъ менѣе понимаю это въ женѣ, еще болѣе преданной семейству, и особенно теперь, когда изъ Орла получаютъ самыя грустныя извѣстія. Жена слишкомъ озабочена мною и ищетъ какого нибудь облегченія, не находя во мнѣ ничего кромѣ той же заботы и удрученій. Вообще, со времени продажи Рябинокъ я замѣчаю въ ней большую раздражительность и большую неувѣренность. Иногда неувѣренность эта переходитъ въ подозрительность; ей думаются намеки, униженіе, презрѣніе къ ея особѣ. Переменная эта для меня особенно чувствительна потому, что она сдѣлалась холоднѣе ко мнѣ; боюсь, чтобы выраженіемъ участія и любви не дать повода заподозрить ее въ неискренности. Тяжелое для бѣдной жены время, тяжелѣе котораго еще не было. Наступаютъ лучшіе дни, когда она получитъ часть свою изъ проданнаго имѣнья. И этотъ пунктъ—если со мною будетъ все благополучно—будетъ началомъ новаго, лучшаго періода и для здоровья, и для душевнаго настроя. А надобно замѣтить и то, что и самъ я не въ нормальномъ состояніи: эти крутыя преобразования, эта вызывающая гласность, эти скорыя раззоренія дворянскихъ гнѣздъ, эти Мазурины, Даниловы, Горскіе, Соколовы раздражили меня, и наступившая кассационная смута далеко не въ состояніи дать мнѣ опору и успокоеніе. Я тоже сдѣлался подозрителенъ, нетерпѣливъ и завязъ то Катковымъ, то „Вѣстью“. И для меня это едва-ли не самое

трудное время въ моей жизни. Я же всегда былъ склоненъ на внѣшнее неудовольство и внутренній ропоть. Вчерась племянникъ мой сказалъ, что въ обществѣ говорятъ, будто эти Арцимовичи, Буцковскіе, Стояновскіе и Ковалевскіе не чужды польщизны и рады произвести смуту кассационными рѣшеніями; я почти согласился на возможность подобнаго предположенія, рѣшительно ни на чемъ неоснованнаго. Почти, но вѣдь это *почти*—есть болѣзнь!

Передо мною Саксонскія уложенія 30 Марта 1838 г. 11 Августа 1865 г. и послѣднее, пересмотрѣнное, 1 Октября 1863 г. Какая трезвость, постепенность и осторожность въ развитіи закона! Сравню я Уложеніе наше 1845 г. съ Уложеніемъ 1857 г. (ни малѣйшаго движенія, кромѣ бессмысленнаго накопленія арестантовъ, вызвавшаго законъ 23 Ноября 1853 г. столь неравноправный для наличныхъ арестантовъ) и наконецъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ миров. судьями. Это не развитіе, а извращеніе закона. Пониженіе наказаній непомѣрно. Въ Саксонскомъ законѣ 1838 г. за простое воровство (§ 223) въ пять талеровъ опредѣляется тюрьма до 6 недѣль; свыше 10 талеровъ,—рабочій домъ до 2 лѣтъ. По уложенію 1868 г. 5 талеровъ исчезли, а за воровство въ 10 талеровъ опредѣлена тюрьма до 4 мѣсяцевъ, а свыше 10 до 50 талер. тюрьма отъ 2 до 4 мѣс. или рабочій домъ до 2 лѣтъ. У насъ, богатыхъ людей, 169 ст. уст. мир. суд. начинается кража прямо съ 300 р., опредѣляя виновному тюрьму до 6 мѣсяцевъ, которая по 171 и 173 (въ частыхъ случаяхъ) сокращается на половину. Не говоря уже о патриархальныхъ дѣленіяхъ Свода 1832 и 1842 г., воровства по рублямъ и копѣйкамъ, въ Уложеніи 1845 г. за кражу до 30 р. назначается рабочій домъ до 6 мѣс., а за кражу до 300 р. уже арестантскія роты до 2 лѣтъ, не считая покойныхъ розогъ. Послѣдовательно! Мировой уставъ нашъ составленъ даровито и удачно (д. с. с. Перець), но онъ дурно согласенъ съ Уложеніемъ и совсѣмъ не согласенъ съ Уст. Угол. Судопр. (наприм. важная 328 ст. Уст. Суд. говорить о степеняхъ, которыхъ въ уставѣ мир. суд. вовсе нѣтъ, и законъ неисполнимъ). Судьямъ—словами: „можетъ“ онъ даетъ произволь, который не ограждается ничѣмъ, ни условіями событія, ни требованіями апелляціи или кассациіи. Вообще, мировой уставъ рассчитываетъ болѣе на совѣсть, нежели на законъ, и болѣе на чувство, нежели на логику, болѣе на совершенство, нежели на недостатки. Вообще, повторяю: не отвергая многихъ достоинствъ новаго суда, я нахожу многое въ немъ введенное опрометчиво и явно несообразно, между прочимъ и эта кассациія со всѣхъ концовъ имперіи въ одномъ д-тѣ, уже и теперь запруженномъ массою дѣлъ, не смотря на ограниченія, постановленныя 1 Іюня 1868 г. А безконтрольность наша? Вотъ вопросъ!

Повсюду балы, туалеты и танцы, прїѣзжаютъ въ 12, разъѣзжаются въ 5 и позже. Все это *было* въ порядкѣ вещей, а теперь сплыло, и матушки, выходящія изъ себя, чтобы ихъ дочь перецеголяла другихъ, совсѣмъ не понимаютъ настоящаго времени. Нынѣ надобно цеголять скромностію и высокимъ образованіемъ или замѣчательными талантами въ музыкѣ, пѣніи, живописи. Думаю я о тебѣ, моя милая Наташа. Коклюшь измѣнилъ мою программу, но я скоро выдвину ея снова на сцену и посмотрю, какъ высоко ты станешь по образованію сравнительно съ этими Аннетами, Александреттами, которыя напитаны блестящими курсами *m-me Труба* и заграничными поѣздками. Боже мой, сколько тутъ пустоты, мишуры, поверхности! И кто же рѣшится жениться на этой ничтожности! И что имъ остается дѣлать, не выходи замужъ, какъ не удариться въ кокетство и—пожалуй—въ пигилизмъ. Ты, моя скромница, можешь и не выйти за мужъ, но ты не будешь плясать шесть разъ въ недѣлю и найдешь другія занятія въ маленькомъ твоёмъ кабинетѣ, посреди гравюръ, цвѣтовъ и рояля, возлѣ твоей библіотеки и рабочаго столика. Мы возвратимся къ нашей программѣ, запасшись здоровьемъ, сегодняшнюю осень, если Богъ позволитъ. Почивай, мой ангелъ! Я поздно воротился.

Читаю новый томъ Гнейста: „*Verwaltung*“, по Англійскимъ и Нѣмецкимъ порядкамъ съ особеннымъ отношеніемъ къ правительственнымъ реформамъ и провинціальному (уѣздному) устройству въ Пруссіи. Хозяинъ и мастеръ своего дѣла, знаменитый профессоръ и депутатъ въ этомъ томѣ стоитъ едва-ли не выше нежели въ предшествовавшихъ. Слышна большая политическая зрѣлость государственнаго человѣка, болѣе возвышенности и ясности въ сравнительномъ изложеніи порядка учреждений и ихъ взаимнодѣйствія. Но и прежде и теперь я нахожу, что Гнейстъ слишкомъ много придаетъ значенія вообще учреждениямъ. Гораздо важнѣе ихъ по моему мнѣнію условія благосостоянія: недвижимая собственность и народное просвѣщеніе. Эти условія въ Англій представаются не совсѣмъ въ благопріятномъ видѣ. *Magna carta* и главный присяжный дали Англій большія преимущества предъ материкомъ, но они не могли распространить въ народѣ благосостояніе и просвѣщеніе.

Представленіе министра внутр. дѣлъ о запрещеніи газеты П. С. Аксакова „Москва“ и объясненія редактора (на 28 лист.) слушаны въ 1 департаментѣ 29 Января и по разногласію перенесены въ общее собраніе (первое), гдѣ назначено къ докладу 7 Февраля. Быстро! Вел. Кн. Владимиръ и большинство соглашаются съ министромъ. Сенаторы (вотъ куда забивается оппозиція) Любимовъ, Веневитиновъ и Веймарнъ не соглашаются, полагая, что запрещеніе должно быть про-

изнесено судомъ, судебнымъ департаментомъ Сената. Большіе толки, и много шуму. Я не совсѣмъ понимаю это разногласіе въ виду 30 ст. закона 6 Апрѣля 1865 г. „Москва“ столько представляла поводовъ къ предостереженіямъ, что примѣненіе 30 ст. къ этой газетѣ могло возбудить сомнѣніе не о судѣ. 1-й департаментъ указалъ точно о продолжительности періодовъ времени, когда дѣлались предостереженія.

Только все это похоже на комедію: запретять „Москву“, явится „Москвичъ“. Правительство вызвало духовъ и не умѣетъ заговорить ихъ.

Восемнадцатый томъ Исторіи Россіи Соловьева. Трудъ почтенный. Окончивъ царствованіе Петра I-го, историкъ дѣлаетъ оцѣнку „этого величайшаго историческаго дѣятеля“ въ средѣ „великаго народа“, утопавшаго въ безысходномъ старомъ порядкѣ. Шесть томовъ эпохи преобразованія написаны Соловьевымъ пристрастно, подъ вліяніемъ самовосхваленія, которое охватило насъ послѣ Севастопольскаго погрома и въ виду нетерпѣливыхъ преобразованій настоящаго царствованія. Не оспаривая значенія величайшаго дѣятеля, вдвинувшаго насъ, Азіатцевъ, въ Европу, я не раздѣляю энтузіазмъ Ломоносова и проч. до Соловьева къ реформамъ Петра, стоившимъ столькихъ жертвъ—часто напрасныхъ,—и думаю, что дѣло преобразованія пошло бы лучше, если бы направленіе его было болѣе внутреннее, нежели внѣшнее, и если бы величайшій дѣятель довѣрилъ развитіе коренныхъ началъ: личной заслуги, коллегіальности, науки—болѣе времени, нежели деспотизму своей геніальной воли. Эта самоувѣренность породила централизацию и преобладаніе новаго, Петербургскаго, правительства, которое, какъ изданное не изъ жизни народа, а priori, отдѣлилось отъ Россіи и даетъ ей себя чувствовать только налогами и повинностями. Геніальная личность Европейскаго императора внесла въ Азіатскую среду не прежній, а систематическій деспотизмъ, какого Россія никогда не знала, и передала эту странную власть своимъ преемникамъ, мало способнымъ, еще менѣе достойнымъ; а въ ихъ рукахъ этотъ деспотизмъ, подъ вліяніемъ предуготовленнаго вліянія знатоконъ-иностранцевъ, вылился въ холодный, чуждый всякаго общенія съ страной, формализмъ, продолжавшійся едва-ли не „до сегодня“.

Повторю прежнее замѣчаніе: Исторія Соловьева есть послѣдовательный сборникъ, указатель матеріаловъ, критика, разработка этихъ матеріаловъ, но не исторія. Для науки сочиненіе Московскаго профессора не имѣетъ ни должнаго спокойствія, ни необходимаго достоинства рѣчи, ни даже обдуманнаго систематическаго расположенія. Книга отзывается журналомъ. Историкъ напоминаетъ публициста,

Кто бы и что бы ни говорили, но движеніе умственное, литературное и промышленное, движеніе политическое и социальное есть; оно очевидно, осязательно. Я не говорю объ агитаціяхъ, къ которымъ отношу и адресъ Московскаго дворянства и лойяльное заявленіе дворянства Остзейскаго,—это маска, ложь, довольно безцѣльная и дешевая. Я не говорю о напряженномъ развитіи желѣзно-дорожнаго дѣла: это спекуляція ловкихъ людей, которой надобно положить конецъ. Я говорю объ общемъ ходѣ жизни, о гласности и равноправности, все болѣе и болѣе переходящихъ въ дѣйствительность. Я разумѣю положительные, осязательные результаты: увеличеніе государственныхъ налоговъ и постоянное возрастаніе внѣшней торговли. Сегодня А. П. Шиповъ зазвалъ меня на свою бесѣду въ думѣ о пьянствѣ. Много было декламации, много страховъ отъ страшной дилеммы, много порицаній настоящей системы акциза, но, взамѣнъ всего этого, робкія, благонамѣренныя предположенія о лучшемъ устройствѣ и о такой земской опецѣ, что ее можно внести и въ программу г. г. „Вѣсти“. Мы страдаемъ молодостью. Она скоро пройдетъ.

Я серьезно думаю оставить кассационный департаментъ. Дѣла разсматриваются сотнями, à vol d'oiseau. Я опасаясь за послѣдствія. А между тѣмъ матеріальнаго труда множество, истощеніе физическое и умственное—послѣ 6 часоваго засѣданія—постоянное. Это ненормально, недостойно и несоотвѣтственно. И безпрестанно натыкаешься на противорѣчія, и безпрестанно всплываютъ общіе вопросы. А между тѣмъ дѣла прибываютъ массаами, и въ перспективѣ ожидается удесятиреніе поступленія ихъ. Не практически организовано это дѣло!

Сейчасъ былъ у меня Андрей Симанскій и между прочимъ, разсказалъ о приготовленіи въ университетъ его сына, Володи... Отецъ, расходуя по 50 р. въ недѣлю, разсказываетъ о неимовѣрныхъ его успѣхахъ въ математикѣ. Ну, Митя, гимназистъ мой ординарный, гдѣ тебя оставитъ Володя? А объ этомъ уже записалъ и ни сколько не отступаю отъ моего мнѣнія. Нынче же былъ у меня по утру другой Андрей, кн. А. Владим. Друцкой-Сокольницкій, который тоже обѣщаль многое. Онъ посѣщаетъ балы Англійскаго и Французскаго посольствъ, служить канцелярскимъ служителемъ во 2 д-тѣ у Суцова и занялъ у меня 31 рубль,—что у меня нашлось. Какъ ничтожны эти господа особенно тѣмъ, что безъ труда хотятъ жить работою. Впрочемъ индивидуумы эти всегда были и всегда будутъ. Я записываю единственно для того, чтобы со временемъ справиться, что они будутъ?

Читаю я „Слова Вас. Орлова“, о которыхъ Синодъ сдѣлалъ такія напыщенные рекламы въ указѣ, печатавшемся въ книгопродавче-

скихъ объявленіяхъ. Проповѣди дѣйствительно хороши, но очень далеки отъ синодской рекламы, т. е. учебнаго комитета, подъ предѣдательствомъ о. Васильева. Не будь этой рекламы, книга имѣла бы скромный, но прочный успѣхъ. Теперь ее Московскіе „Платоновы“ загрызутъ, потому что порицать все правительственное есть страсть времени, потому что нужно лягнуть Парижскаго реформатора, и очень хочется укусить гр. Дм. Анд. Толстаго, который идетъ на всѣхъ парусахъ. Слова Орлова удобопонятны, не длинны, не испещрены текстами и согрѣты теплотою. Они далеко хуже и по отдѣлкѣ, и по глубокомыслию знаменитыхъ нашихъ проповѣдниковъ, и хотя страдаютъ общимъ недостаткомъ—преувеличеніемъ, но дѣйствительно могутъ служить образцами въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ.

Пятидесятилѣтній юбилей Петербургскаго университета прошелъ какъ-то вяло, почти незамѣтно. Или надоѣли эти празднества, или праздновать было нечего. Университетъ всегда былъ плохъ, и наставниковъ для царевичей выписывали изъ Москвы. Но спасибо Государю за 300 стипендій, за 20 т. для бѣдныхъ студентовъ. Спасибо и старику Подолинскому (какъ онъ напоминаетъ 1830-е годы!), за стихотвореніе, оканчивающееся не новою, но всегда благородною аксіомою:

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человѣкъ.

Не думаю, чтобы Греко-Турецкое столкновение (въ Кандіи) и Французско-Прусское (на Бельгійск. желѣзныхъ дорогахъ) были улажены миролюбно. Нынѣ вопросъ о династіяхъ въ зависимости отъ народнаго благосостоянія и національной чести. Греція оскорблена не только въ своихъ стремленіяхъ, весьма естественныхъ, но и въ нарушеніи международныхъ правъ. Парижская конференція поучаетъ ее какъ школьника. Въ настоящемъ видѣ Греція слишкомъ мала для государства, и въ ней и въ Европѣ вообще окончательно установилось мнѣніе о распаденіи Турціи, удерживаемомъ единственно соперничествомъ великихъ державъ. Здѣсь столкновение неминуемо, если только Румынія, Сербія и Черногорія согласились на общее дѣйствіе. Еще болѣе неминуемо столкновение между Франціей (съ Австріей, безъ Венгріи) и Пруссіей. Пруссія слишкомъ велика для государства. Она постоянно угрожаетъ всѣмъ: и Россіи, и Австріи, и Пруссіи. Это самый страшный соперникъ нашъ на больномъ мѣстѣ Балтики. Нельзя болѣе вызывательно смѣяться надъ императоромъ Наполеономъ, какъ дѣлаютъ это Прусскія газеты. Они трактуютъ старѣющаго льва какъ Бейста. Еще болѣе грозное—хотя въ отдаленномъ будущемъ—приготавливается столкновение на Гималаяхъ

Россіи съ Англіей. Наши непомѣрные (и потому неправые) успѣхи въ средней Азіи сближаютъ насъ съ народами Индіи, ожидающими отъ насъ освобожденія отъ Англійскаго ига. Но это еще далеко. Теперь время созрѣло на Балканахъ и на Рейнѣ. Можетъ быть гр. Бисмаркъ покается въ злоупотребленіи успѣхомъ, и коалиція введетъ Пруссію въ границы болѣе скромныя и болѣе соотвѣтствующія спокойствію Европы; но время пропущено, великій узурпаторъ пожертвовалъ великими интересами своей имперіи расчетамъ лично-династическимъ, и послѣ смерти Николая не сдѣлалъ ни шагу для сближенія съ Россіей, которая не забудетъ ему ни Парижскаго трактата 1856 г., ни дипломатическаго похода 1863 г., когда Наполеонъ вошелъ въ программу Польско-революціонной партіи, которая и до сихъ поръ кажется дѣйствующей въ сѣверо-западныхъ нашихъ губерніяхъ.

О Польской партіи у меня пришло на языкъ по случаю разговора о преобладающемъ вліяніи графа Ржевусскаго въ средѣ т. н. партіи „Вѣсти“, весьма распространенной въ Петербургѣ и близко связанной съ партіею поземельнаго кредита. Партія пришельческая и совершенно антинаціональная.

День Св. Кирилла послужилъ поводомъ къ новой Славянской манифестаціи, какъ всегда довольно безплодной, здѣсь и въ Москвѣ. Но нельзя не опасаться, чтобы этими безплодными агитаціями не воспользовались наши враги, увѣривъ Турецкихъ Славянъ, что мы щедры только на манифестаціи, отъ дѣйствительнаго же вмѣшательства, отъ вооруженной помощи, мы болѣе далеки, нежели дипломатія Наполеона и сосѣдство Австріи. Помощь денежная, книжная, церковная ничтожны. Общеніе литературное еще ничтожнѣе. Вообще частная инициатива у насъ совершенно безсильна. Учрежденіе правительствомъ значительнаго числа стипендій въ гимназіяхъ и университетахъ собственно для Славянъ было бы гораздо оцѣнительнѣе, нежели эти Славянскіе комитеты, изъ которыхъ одинъ едва содержитъ двухъ-трехъ стипендіатовъ, а другой, за лучшее сочиненіе о стремленіи Славянъ къ соединенію, объщаетъ премію въ 200 р.! Безъ вмѣшательства правительства манифестаціи г.г. Погодина, Аксакова, Гильфердинга и Ламанскаго съ братіей поддерживать толки, но толку не принесутъ. Какъ представительница славянства, Россія имѣетъ всѣ права покровительствовать Славянамъ и, заботясь о ихъ просвѣщеніи, стремиться къ ихъ объединенію въ словѣ и въ церкви. Исторически не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и слово и богослуженіе у насъ были и должны быть (и будутъ) общія. Лучшіе помощники наши, это—Папа, Австрія и Султанъ. Притѣсная Славянъ, они работаютъ въ наши руки. Симпатичное для всѣхъ настоящее царствованіе привлечетъ—надѣмся—къ воссоединенію и епи-

скопа Куземскаго съ уніатами и равнодушныхъ Чеховъ отвлечетъ отъ ненавистнаго всѣмъ конкордата.

Распространеніе просвѣщенія въ Славянахъ, и при томъ путемъ Россіи, будетъ служить лучшимъ средствомъ объединенія ихъ, по крайней мѣрѣ, нравственнаго, интеллектуальнаго. А просвѣщеніе имъ нужно. Укажу опять таки на варварскій процессъ убійцы князя Михаила Сербскаго, заканчиваемый нынѣ судомъ надъ главнымъ подстрекателемъ, Карагеоргіевичемъ, и его секретарями.

Впрочемъ, не начать-ли это распространеніе просвѣщенія съ насъ, не предоставляя этого дѣла бѣдному и лѣнивому земству?

Процессъ крушенія фрегата „Александръ Невскій“ (въ Скагерракѣ, въ Сентябрѣ прошлаго года) сегодня кончился. Судъ призналъ троихъ „виновными въ неосторожности, имѣвшей послѣдствіемъ гибель фрегата“, но съ обстоятельствами, уменьшающими вину, и потому опредѣлилъ: генераль-адъютанту Поссіету объявить выговоръ въ приказѣ, флигель-адъютанта, капитана Кремера, выдержать на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ; старшаго штурмана Хохлова—двѣ недѣли. Моряки ожидали, что рѣшеніе будетъ такъ снисходительно по особому благоволенію Государя къ Поссіету и Кремеру; но они находятъ въ этой „неосторожности“, имѣвшей послѣдствіемъ гибель лучшаго судна нашего флота, такую безпечность, такое отсутствіе строгой отчетливости морской службы, что виновные, особенно Кремеръ, *по малой мѣрѣ* заслуживали исключенія изъ службы. Въ публикѣ раздаются тоже голоса неудовольствія. „Неосторожность“, сопровождавшаяся неисполненіемъ существенныхъ предписаній плаванія, не можетъ указывать ни на какія обстоятельства, заслуживающія снисхожденія. На фрегатѣ были Царевичъ и до 800 чел. экипажа, погибли бар. Иксуль, Зоринъ и три матроса, и казна несетъ убытокъ въ 700 т. руб. Такая „неосторожность“ заслуживала болѣе строгой отвѣтственности, и сдѣланное послабленіе можетъ быть опаснымъ прецедентомъ. И дѣйствительно, приговоръ слабъ. Несоблюденіе правилъ о лоци тѣмъ болѣе усиливаетъ виновныхъ въ неосторожности, что плаваніе совершалось въ осеннюю ночь, въ опасномъ мѣстѣ, и могло имѣть страшныя и имѣло весьма важныя послѣдствія. Надобно ожидать, что Поссіетъ и Кремеръ выдутъ въ отставку. Если ихъ спасъ изданный для нихъ „Законъ—Или“ какъ называютъ моряки высочайшее повелѣніе 12 Ноября 1868 г., опредѣляющее пять видовъ наказанія, то достоинство и высшее приличіе морской службы требуютъ, чтобы такой поступокъ не оставлялъ виновныхъ въ рядахъ флота, какъ бы ни были геройски послѣдующія дѣйствія, при спасеніи команды и Царевича. Это геройство необходимой защиты. Спасались отъ смерти и многіе погибли. NB. Осужденные всѣ прощены Государемъ. Много драматическаго

было въ этомъ процессѣ: управ. адмир. Краббе и предсѣд. суда Нордманъ, личные порицатели Поссіета и Кремера. Имъ не благоволятъ и генераль-адмиралъ за то, что всѣ эти поѣздки устраиваются Поссіетомъ непосредственно съ Государемъ, мимо Морскаго Министерства.

При самомъ вступленіи въ кассационный департаментъ я боялся за матеріальные, механическіе безпорядки и ошибки въ дѣлопроизводствѣ, въ движеніи дѣлъ и бумагъ, въ перепискѣ и подписяхъ, въ отправленіи и полученіи. Сегодня подали Арцимовичу опредѣленіе, завалившееся съ Марта 1868 г., ровно годъ. Правовѣды чужды внѣшнему, формальному порядку. Они слишкомъ дешево и скоро все получили, чтобы останавливаться на этихъ мелочахъ. Я говорилъ объ установленіи опредѣленнаго порядка, о пересмотрѣ нашего наказа, по крайней мѣрѣ десять разъ. Изъ числа 50 дѣлъ, *оуломъ* присланныхъ мнѣ сверхъ очереди, я еще въ началѣ Декабря передалъ разсмотрѣнныя и приготовленныя мною 26 дѣлъ, которыя оберъ-прокуроръ обѣщала назначить во второй половинѣ Декабря, а теперь исходитъ и вторая половина Февраля 1869 г., а о дѣлахъ моихъ и слуху нѣтъ. Съ одной стороны масса дѣлъ, а съ другой—такіе порядки: какое же вѣроятіе въ прочной будущности?! Я не помню ни одного моего требованія, которое было бы исполнено своевременно. Переписка опредѣленій замедляется до нельзя. Самое печатаніе рѣшеній дѣлается не въ время и весьма небрежно.

Весь Петербургъ исполненъ глубокаго удивленія къ пѣвицѣ Патти. Аделина Патти, маркиза де-Кю, согласилась провести сезонъ пли два въ Петербургѣ, получая за каждый спектакль 1850 руб., что составитъ около 50 т. р., если не болѣе. Нѣтъ никакой возможности достать ложу или кресло, развѣ за безумную цѣну. Завтра жена везетъ Наташу въ концертъ, въ которомъ поетъ Патти. Какое впечатлѣніе произведетъ *diva* на мою *divu*? Ей же, моей музыканткѣ, *поэтъ* Кузьминскій (Григорій Иванов.) написалъ стихи, въ которыхъ

Теперь какъ вашихъ дарованій, И разума возникнулъ свѣтъ, Онъ проситъ, чтобы Въ добрѣ вы были постоянны, И чисты сердцемъ.

НВ. Впечатлѣніе знаменитой пѣвицы на ребенка какое-то неопредѣленное. Очевидно недостаетъ пункта опоры и сравненія. Она дала себѣ болѣе отчета въ игрѣ Ант. Рубинштейна, нежели въ пѣніи Патти.

НВ. 26 Февраля Наташа съ братомъ и матерью была въ Итальянской оперѣ. Давали „Роберта Дьявола“ Майербера. Она слушала съ особеннымъ вниманіемъ знакомую ей музыку и отдаетъ преимущество Итальянцамъ передъ Русскими, хотя Итальянская обставлена довольно слабо. Кромѣ Станьи нѣтъ свѣжаго голоса, все старо и слабо, но конечно все лучше Русской обстановки.

Я глубоко убѣжденъ въ Римской пословицѣ: *consilium magnum consultari possimum*. Однако вижу иногда, что интрига и превозмогаетъ. Я понималъ интригу, когда находился въ силѣ при гр. Панинѣ; но съ Марта 1857 г. я совершенно измѣнился; я постоянно и всею уступаю. Мнѣ наступаютъ на ногу, я молчу. Подлое существо ползетъ пресмыкаячусь, слышитъ шумъ и ропотъ въ молчаніи и видитъ протестъ и пренебреженіе во всякомъ взглядѣ и восклицаніи недоразумѣнія. Подлое существо это ждетъ ночи и становится за уголь, тогда какъ все спитъ и развѣ случайно пройдетъ гуляка-товарищъ. Подлость не знаетъ цѣли, униженіе-низость для нея есть требованіе безотчетное, наслажденіе, безъ котораго она болитъ и улегучивается. Безъ интриги она ничтожна, въ интригѣ она неуловима. 21 Февраля.

Вечеръ у митрополита Иннокентія, 27 Февраля. Если это замѣчательный человѣкъ, то это замѣчательный вечеръ, продолжавшійся съ 8-ми до половины 11-го, битыхъ 2¹/₂ часа. Мы обозрѣли почти все внутренніе вопросы дня, поименовавъ даже нѣкоторыя личности. Во многомъ соглашались, во многомъ—преимущественно общемъ—разнились. Вообще, это человѣкъ недуховный, не высшаго ума и просвѣщенія, но симпатичный, неаскетическій. Это человѣкъ мірской, здраваго смысла и опыта. У него много нагорѣло неудовольствія на свѣтскую власть нашей церкви, на разныя современныя нововведенія въ духовномъ вѣдомствѣ, на гр. Толстаго. Въ его глазахъ положеніе Св. Синода совершенно подчиненное, смѣшное. Такимъ оно является и въ указѣ о позволительности ученія въ Воскресенье и въ отчетѣ Миссіонерскаго Общества. Отецъ Васильевъ упоминался раза три. Саркастически упомянулъ объ испрошеніи дѣтямъ православнаго духовенства правъ дѣтей пасторовъ. Видно, что онъ слѣдитъ за движеніемъ современной жизни и литературы. Аксаковское дѣло его очень интересуешь. Иванъ Аксаковъ, обличившій все безсиліе Синода передъ оберъ-прокуроромъ, выставляется героемъ. Много говорилъ владыко—весьма довольно—о безполезности искусственнаго и усиленнаго распространенія грамотности и о постоянномъ нашемъ подражаніи Западу, который никогда не признаетъ насъ за равнаго себѣ; о вредѣ утилитарности и многознанія, отвлекающихъ заботы о воспитаніи сердца, совершенно пренебрегаемомъ въ публичныхъ заведеніяхъ. Вообще я замѣтилъ въ преосвященномъ духъ оппозиціи, противорѣчія, иногда довольно тѣснаго, провинціального, штокъ Русскаго, Московскаго. Видно вліяніе Славянофиловъ, нерѣдко соединенное съ узкимъ взглядомъ Русскаго попа, но попа просвѣщеннаго многостороннимъ опытомъ долгой жизни (онъ помнитъ управленіе Сперанскаго въ Сибири) и разнообразныхъ положеній отъ Петербурга до Благовѣщенска. Иннокентій считаетъ Платона (Рижско-

донскаго) въ опалѣ: иначе, какъ старшій, онъ по всѣмъ правамъ долженъ бы былъ получить Литовскую кафедру, гдѣ былъ викаріемъ. Онъ легко допускаетъ несовершенства и ошибочность законовъ человѣческихъ и готовъ съ твердостью проводить непогрѣшительные законы божескіе, къ которымъ онъ, кажется, причисляетъ и церковные. Я не думаю, чтобы мы сошлись съ нимъ близко, но полагаю, что вечеръ провелъ онъ не безъ интереса. Мнѣ нужно было познакомиться съ нимъ, чтобы испросить дозволеніе и благословеніе Наташѣ на предпринятый ею подвигъ: переводъ на Французскій языкъ „Указанія къ вѣчной жизни“, написаннаго для Алеутовъ и разошедшагося болѣе 100 т. экземпляровъ.

„Какихъ не вымышляй пружинъ, чтобъ мужу бую умудриться—неможно вѣкъ носить личинъ, и истина должна открыться“. Это проводится чрезъ всю мою жизнь 23, 24 года тому назадъ. Открывается.

Какъ велика сила общаго увлеченія, это доказываю я. Всегда я былъ противъ расточительности и роскоши, противъ Петербурга и его Итальянцевъ съ непомѣрными цѣнами, окладами и подарками (подаркамъ нашъ контръ-альтъ Лавровская дала прекрасный урокъ, мало оцѣняемый распущеннымъ Петербургскимъ мнѣніемъ). И что же? Я посылалъ моего Алексѣя на битву въ большой театръ, и оборванный и измятый, онъ досталъ билетъ за 8 рублей. 32 франка за одно представленіе! (Посылалъ впрочемъ не я, а жена). Добыча билетовъ есть страшная давка. Жажда наслажденія непомѣрная. *Rapem et circenses!* А нужда въ народѣ ужасающая, а голодающихъ—массы. Странно, что, несмотря на рѣдкость удовольствій, я совершенно къ нимъ равнодушенъ. На дняхъ видѣлъ превосходный спектакль „Смерть Іоанна Грознаго“, и въ этой драмѣ, превосходно поставленной, но чуждой всякаго драматическаго дѣйствія, я не нашелъ удовлетворительнымъ самый психологическій этюдъ знаменитаго тирана. Есть два монолога—Сицкаго и Захарьина—глубоко прочувствованные, но герой представляется звѣремъ или злодѣемъ-мономаномъ. Я едва досидѣлъ до конца. Не думаю, чтобы эта картина вѣрно изображала Русскій дворъ 1580 годовъ, когда у насъ уже введены были Византійскіе порядки Греческою царицею лѣтъ сто назадъ. Драма мнѣ не понравилась. Она и обставлена плохо, съ Нильскимъ и Малышевымъ. Сочинитель желалъ выставить Романова. Это ему удалось. Но Патти! Патти, которой на дняхъ, 27 Февр., были такія неистовыя оваціи, неужели и ея пѣніе заставитъ меня пожалѣть, что я наслаждаюсь безъ жены и дѣтей? Запишу впечатлѣнія.

Патти дѣйствительно пѣвица дивная. Я слышалъ *Somuar*—Росси, *Віардо*, *Фрезолини*, *Бозіо* и проч. *tutti quanti*. (Не слышалъ *Дженни-Линдъ*. Лукку слышалъ въ Берлинѣ). Но ни одна не имѣла такихъ средствъ, какими такъ свободно, такъ своенравно владѣетъ *Аделина*

Патти. Это—скрипка, это флейта со всѣми возможными переходами сверху до низу, безъ всякаго напряженія, безъ малѣйшихъ усилій. При томъ же она молода, хороша собою и граціозна. При томъ же шла опера „Донъ Пасквале“. (Назначена была „Сомнамбула“, но по случаю простуды Патти рѣшилась пѣть партію Норины), въ которой Патти представляла шалунью-капризницу и представляла, при этомъ чудномъ пѣніи, превосходно. За этимъ талантомъ забываешь и немного балаганную музыку и глуповатое либретто оперы. Все вниманіе сосредоточивается на звукахъ человѣческаго голоса, спорящагося съ механизмомъ инструмента. Голосъ требуетъ себѣ преимущества.

Но *diva* эта есть олицетворенный капризь. Переменчивъ оперу, она и въ Донъ-Пасквалѣ пѣла только два акта. Третій согласилась закончить Вольпини (и приняла же ее публика!). Въ взглядахъ, въ жестахъ Патти видны своенравіе, капризь, требовательность, нетерпѣніе, деспотизмъ. Внушая удивленіе и зависть, пѣвица не дышетъ любовью и симпатіей. Съ перваго шага на сценѣ видно все сознаніе своего могущества, и это много мѣшаетъ впечатлѣнію зрителя, желающаго видѣть въ талантѣ одушевленіе и скромность. Въ этомъ отношеніи Росси была талантъ великій.

Какъ пораженъ я былъ, прочтя въ газетныхъ объявленіяхъ о смерти князя Владимира Ѳеодор. Одоевского. Я знаю его давно, но близко сошелся съ нимъ и съ умною его женою, княгинею Ольг. Степ. (урожденная Ланская) въ Москвѣ. Одоевскій началъ дѣйствовать весьма давно и рано, и на него возлагали большія надежды. Его высоко цѣнили Пушкинъ, Веланскій, графъ Блудовъ и даже Киселевъ. Литературная дѣятельность его извѣстна. Онъ давно прекратилъ ее. Дѣятельность его музыкальная вошла въ пословицу. Онъ былъ Московскимъ графомъ Віельгорскимъ, и многіе артисты, заѣзжіе и молодые, его пожалѣютъ. Это былъ ихъ меценатъ. Дѣятельность его служебная была всегда посредственная; дѣятельность его какъ сенатора—ниже всякой посредственности. Удивительно, какъ много онъ занимался и записывалъ. Канцеляріи и лѣнливымъ своимъ сотоварищамъ онъ за это былъ ненавистенъ, продолжая безъ толку засѣданія.

Замѣчательна была его невозмутимость, ровность характера, самое теплое равнодушіе, если можно такъ выразиться. Онъ никогда не сердился, не обижался, не возвышалъ голоса. Онъ ни надъ кѣмъ не смѣялся и готовъ былъ на всякое дѣло добра и общей пользы.

Можетъ быть, при лучшемъ направленіи, изъ него выработался бы человѣкъ замѣчательный. Но разнообразіе, всесторонность заглушили искру таланта, который хотѣлъ быть и ученымъ, и свѣтскимъ, и повѣствователемъ, и химикомъ, и музыкантомъ, и медикомъ, и наконецъ

библіографомъ и сенаторомъ. И онъ не обнялъ ничего. Въ искусствахъ онъ объяснялъ теоріями, въ теоріяхъ опытами. Музыку объяснялъ архитектурой. Онъ особенно смутно поучалъ. Рѣшительно не поймешь, что онъ говорить. Онъ написалъ: „Музыкальная грамота для немужыкантовъ“, и я ни одной строки понять не могъ, другіе—тоже. Точно Хавскій о Пасхѣ. Ему было лѣтъ 65, и онъ умеръ рано. Объ Александрѣ Мейендорфѣ говорили, *que c'est une nullité européenne*. Объ Одоевскомъ можно сказать *que c'est une célébrité nulle*. Но—замѣчаетъ д'Израели—иногда лучшіе общественные дѣятели неизвѣстны исторіи. Дѣйствительно, люди какъ Новиковъ, А. Н. Оленинъ, какъ Станкевичъ, кажется, ничего не сдѣлали, а между тѣмъ изъ кружка ихъ вышли Карамзины, Гнѣдичи, Грановскіе, разлившіе свѣтъ этого теплаго кружка на города и веси. Одоевскій, аристократъ-гуманистъ, составлялъ такой кружокъ, и многіе, многіе съ благодарностію, съ удовольствіемъ вспомнить о привѣтливомъ хозяинѣ, у котораго сходились и государственные люди, и поэты, и особенно ученые, и артисты, важные и неважные.

Миръ праху твоему, товарищъ! Вся семья моя и даже люди мои грустятъ по тебѣ, вспоминая Четверги, которые ты проводилъ съ нами.

Какъ много умираютъ и все почти незапно! Видь смерти нашего вѣка. Вѣроятно есть особыя болѣзни, съ теченіемъ времени и мыслей возникающія, которыхъ постукиванье и подслушаніе не распознали еще. Гнутъ людей у насъ и радикальныя реформы. Съ нашимъ переводомъ въ кассацию положеніе Московскихъ сенаторовъ сдѣлалось еще болѣе ложнымъ. Эта мысль давила и задавила Колюбакина. Она могла давить и Одоевского, который изъ сенаторовъ едва ли не одинъ оставался грамотный. Онъ и при всевозможномъ равнодушіи не могъ быть чуждъ честолюбія, и ложное положеніе не могло не давить его. Онъ же не вѣрилъ въ Христа-Бога. Надежды нѣтъ.

Надобно примиряться съ мыслию о смерти. Во первыхъ, это общій удѣлъ, его же не минуемъ. Во вторыхъ, ты сынъ вѣка и времени, которые такъ мало дорожатъ людьми, и въ третьихъ, Россія находится въ томъ революціонномъ положеніи, въ которомъ, и при лучшихъ ожиданіяхъ оптимиста, мысль постоянно тревожна, сердце постоянно беспокоится, и постоянная забота и невольныя опасенія давятъ челоуѣка. Надо примиряться съ мыслию о смерти.

Праздникъ Сологуба. У меня ты покоешься, Одоевскій, между Патти и Сологубомъ. Случайность неумышленная (!).

Графъ Сологубъ придумалъ живыя картины, которыя геній Россіи показываетъ лѣтописцу Россіи и въ которыхъ выражается „Судъ Исторіи“—поэма, для этого написанная Сологубомъ: Въ поэмѣ прославляются современные преобразованія. Какъ „между тѣмъ такъ просто и такъ

плавно свершаютъ дни дѣянія вѣковъ“. Восхваленія неумѣстныя, грубыя и тѣмъ болѣе ложныя, что мнѣ да и многимъ извѣстны мнѣнія Сологуба о современныхъ преобразованіяхъ. Вытертый изъ колеи въ литературѣ и въ общественномъ положеніи, Сологубъ удалился въ Москву и занялся преобразованіемъ Рабочаго дома. Здѣсь онъ не скрывалъ, что въ странѣ какъ Россія, *tabula rasa*, удаются всякія преобразованія, но обыкновенно только наружно, по внѣшности. Если же удадутся современные, то не иначе какъ на счетъ самодержавія и даже монархическаго начала. Правда, но къ чему же праздникъ? Надобно удивляться, какъ подалось на такую грубую лестъ общество артистовъ, которые прежде всего должны быть чутки къ деликатности и благородству чувствъ.

Исторія съ Прусскимъ лѣсничимъ—Отто-Арнимъ—кажется гораздо важнѣе нежели можно было заключать по краткимъ газетнымъ извѣстіямъ. Курляндскій помѣщикъ фонъ Л. назвалъ его Медеянскою собакою и за дерзкій отвѣтъ на эту брань приказалъ связать его и почти neodѣтаго свезти въ Дерптскій земскій судъ, гдѣ онъ тотчасъ былъ посаженъ въ тюрьму. Арнимъ утверждаетъ, что помѣщикъ требовалъ, чтобы лѣсничій стрѣлялъ въ несчастныхъ крестьянъ его изъ ружья солью. Несчастный не только не нашелъ правосудія, но, съ большими усиліями пробравшись на родину, въ Пруссію, два года тщетно ожидаетъ тамъ высылки по крайней мѣрѣ заслуженнаго жалованья. Онъ, въ письмѣ въ редакцію „Моск. Вѣд.“, взываетъ теперь къ правосудію Государя и благихъ его законовъ.

Я давно занятъ этимъ дѣломъ, которое важно и по Остзейскому краю, и по отношеніямъ къ Пруссіи, гдѣ такъ ревностно защищается Нѣмецкій элементъ этого края. Помѣщикъ этотъ есть Курляндчикъ ф. Липгартъ. Онъ дѣйствительно погорячился, но истязаній никакихъ не было. При отправленіи въ Дерптъ онъ дѣйствительно былъ связанъ, потому что сопротивлялся, не хотѣлъ ѣхать и толкалъ державшихъ его людей. Ыхалъ онъ не безъ одежды: ему принесли пальто изъ дому. Въ Дерптѣ онъ поступилъ въ распоряженіе законныхъ властей, и все дальнѣйшее лежитъ на отвѣтственности лѣсничаго Арнима. На вопросъ: за что Арнимъ отправленъ въ Дерптъ? Отвѣчаютъ, что онъ не только на брань отвѣчалъ бранью, но и дозволилъ себѣ такіе жесты и движенія, которые порождали опасенія ударовъ или побоевъ, а дѣло происходило въ присутствіи прислуги.

Впрочемъ я знаю дѣло отъ Остзейца. Источникъ односторонній. Интеллигенція края малочисленна, мелка и, по замѣчанію ф. Трейчке, своекорыстна и безъ корней. Можетъ быть, Нѣмцы перехитрятъ; имъ

это тѣмъ легче, что и Петербургъ немножко тоже Нѣмецъ, и Русской партіи не удастся переменить устарѣлые Нѣмецкіе порядки; но все это до поры до времени. Все это вопросъ только о времени, которое въ наше время идетъ быстро. Русскій океанъ, особенно при настоящихъ преобразованіяхъ, затопитъ всѣ крайны, а въ томъ числѣ и Балтійскій край, и во всей имперіи общій языкъ и общія учрежденія будутъ Русскія. Я въ томъ никогда не сомнѣвался. Лишь бы преобразованія водворялись и укрѣплялись. Жаль, что они иногда не совѣмъ практичны и вводятся неопытною рукою, а въ Остзеѣ и рукою нерѣшительною.

Постепенно и постоянно я все старѣю и слабѣю. Бессонница продолжается. Нервное разстройство все усиливается. Измѣняется характеръ. Уничтожается человѣкъ. Если мы не двигаемся впередъ, мы отстаемъ; если мы не совершенствуемся, мы ухудшаемся. Этому содѣйствуетъ и положеніе, въ которое мы поставлены. Пилить и крошить человѣка и мелкая интрига. И мелкость людей. И мелкіе люди.

Я почти готовъ согласиться съ товарищами Булыгинымъ и Матюнинимъ, что доколѣ большинство и канцелярія будутъ принадлежать правовѣдамъ, интрига будетъ постояннымъ правиломъ, и прочнаго устройства кассационнаго порядка ожидать нельзя. Меня тяготитъ этотъ порядокъ. Онъ, этотъ регуляторъ правосудія, очень неудовлетворителенъ и очень зыбокъ. Ужъ нѣтъ-ли и тутъ Польши?

Распушенность идетъ все далѣе. Требования студентовъ Медико-хирургической Академіи заставили министра закрыть курсы. Въ Кронштатѣ, съ нарушеніемъ всякой дисциплины, буйство выразилось въ открытомъ побоищѣ, гдѣ были и оружіе, и смерть. Попечитель Кавказскаго учебнаго округа, за явное неповиновеніе высшихъ классовъ Тифлисскаго гимназіи, долженъ былъ раскассировать ихъ. „Язва непокорности проникла отчасти и въ низшіе классы, и все заведеніе потрясено въ нравственныхъ своихъ основаніяхъ“. Этого можно ожидать и въ Балтійскихъ заведеніяхъ, если напоръ обрусенія и на нихъ распространяется. Но меня всего болѣе страшитъ 1870 годъ съ его правомъ перехода крестьянъ, какъ въ XVI стол., и съ послѣдствіями недоимокъ, которыхъ надобно ожидать *).

*) Я давно ихъ ожидалъ и ожидаю. Но машина идетъ, Петербургъ процвѣтаетъ, и я не вижу особенно знаменій времени. Кронштадтская исторія—убито или до смерти прибито 8 человѣкъ—и событія въ академіи, институтѣ и университетѣ это дѣло Полоковъ, въ томъ никто не сомнѣвается. Я сомнѣваюсь. Говорить, что распределеніе стипендій дѣйствительно возмутило юношей.

и болѣе, и послѣдствіемъ броженія должны быть жертвы крутаго переходнаго времени. Распущенность парализируетъ и власть, и порядокъ, и безопасность. Но не кажется-ли это только болѣзненнымъ пессимизму? Не видить-ли онъ зла и въ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ по дѣламъ, гдѣ явное преступленіе извиняется по личнымъ впечатлѣніямъ чувствительности и увѣренности въ произволь?

А между тѣмъ „виды внѣшней торговли“, распространеніе желѣзныхъ дорогъ, движеніе публицистики и журналовъ, развитіе адвокатуры, пренія земскихъ собраній и др. что можетъ быть болѣе убѣдительно въ несомнѣнномъ общественномъ развитіи?

Да. Но вчера съ выигрышные билеты лотерейн. займа были 180 р., а нынче 150. Въ нашъ самонадѣянный вѣкъ теорій, паровъ и газовъ только и слышишь что о незапностяхъ и катастрофахъ. Напоръ демократіи и социализма такъ великъ, что прежнія теоріи оказываются узкими, усовершенствованія граничатъ съ чудесами, и невозможное дѣлается сомнительнымъ. Я давно предчувствовалъ эту наступающую среду развитія человѣчества, въ которой и мы, Русскіе, должны занять свое мѣсто. Распущенность наша—это отрѣшеніе отъ стараго и введеніе къ новому. Ошибка нашихъ государственныхъ людей въ томъ заключается, что они не предупредили рѣзкости переходныхъ явленій, выразившихся въ жертвахъ личностей, мѣстностей и классовъ.

Броженіе юношества меня не пугаетъ: оно уляжется, если умѣючи употребить или законные или домашніе, но благородные приемы. Меня пугаютъ броженія народныя, нужда, голодъ, возрастающій deficit, паденіе курса и новыя лотереи. Ужъ слишкомъ что-то легко все намъ достается: и деньги, реформы! А Кронштадтская исторія?

Честь и слава составителямъ положенія о выкупѣ регулированныхъ земель въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Это почти крестьянскій надѣлъ, перешедшій почти за границу. Ему слѣдуетъ обойти всю Европу, весь свѣтъ. Нѣмецкіе бароны наши были всегда противъ него, и нельзя не пожалѣть, что имъ пожертвована сельская полиція. Но это не надолго и едвали не въ одной буквѣ. Организациа обществъ крестьянъ вызоветъ свою полицію. Земель казенныхъ числятся: въ Курляндіи—336 т. десятинъ, въ Лифляндіи—278 т. и въ Эстляндіи 5088. Оброка приходится съ десятины въ Курляндіи 1 р. 65 ³/₄ к. въ Лифляндіи—93 ¹/₂ к. и въ Эстляндіи 78 ¹/₂ к. Арендная плата въ частныхъ имѣніяхъ въ Лифляндіи за десятину 3 р. 30 к. Капитализируя оброкъ, цѣна выкупа десятины будетъ въ Курл.—41 р. 43 ³/₄ к. въ Лифл.—23 р.

37½ к. и Эстляндіи 19 р. 62½ к. Сравнительно, оцѣнка умѣренная. Частная продажная цѣна въ Лифляндіи 61 р. 66 к. Вообще мѣра эта проведена удачно и дѣлаетъ честь генералу Зеленому, который имѣлъ большую поддержку въ Великомъ Князѣ Константиѣ.

Вчерась скончался и еще добрый товарищъ, сенаторъ Беръ (Борис. Иван.) на 64 году, полный силъ, рвенія и даже энергіи. Это былъ добросовѣстный служага, очень хорошій семьянинъ и пріятный знакомый. Онъ много трудился, большое участіе принималъ въ преніяхъ, часто въ жаркихъ. Всѣ мы его очень жалѣемъ. Миръ праху твоему, товарищъ. 21 Ноября.

Споръ о классицизмѣ и реализмѣ все еще продолжается, и Катковъ, обличая „Вѣстникъ Европы“ (Февр. и Март.), ссылается на такіе же Англійскіе авторитеты. „Вѣстникъ Европы“ помѣстилъ у себя статью Фидлера, оправдывающаго реальное направленіе требованіями большинства и общею пользою успѣховъ естествознанія. Теперь, разгромивъ лжесвидѣтелей въ статьѣ 28 Января, „Московскія Вѣдомости“ помѣстили въ Современной Лѣтописи (23 Марта) извлеченіе изъ Education and school Эдуарда Тринга, оправдывающаго необходимость для высшихъ сословій, представителей современнаго умственнаго развитія, посвятить десять лѣтъ школъ изученія древнихъ классиковъ. Трингъ вовсе не противорѣчитъ Фоулеру. Но я съ Трингомъ согласиться не могу: естествознаніе, техника и современныя литературы получили такое обширное развитіе, что, отдавъ классикамъ десять лѣтъ, юноша явится среди чуждаго ему общества запоздалымъ оригиналомъ.

У насъ было большое собраніе—у Вл. Н. Карамзина—и рѣчь шла о *кассаціи*. Мы пришли къ тому безвыходному положенію (сего дня я доложилъ 20 дѣлъ). Когда необходимы мѣры радикальныя, чрезвычайныя, въ виду напора дѣлъ до 4000 числомъ на 10 человекъ, которые должны (эти десять сенаторовъ, изъ которыхъ у каждаго на плечахъ 30—40 лѣтъ дѣятельной службы) которые должны прочесть, изучить, доложить и обработать эти 4000 дѣлъ, писанныхъ дурно, безграмотно и бессмысленно (сего дня дѣло Шабановой и Сидорова), физической возможности нѣтъ. Честь и слава писавшимъ законъ—хорошія. Въ собраніи говорили многіе и много. Началось совѣщаніе чтеніемъ записки оберъ-прокурора Ковалевскаго. Онъ полагалъ: дѣла, разрѣшаемыя прямымъ смысломъ закона или на основаніи прежнихъ рѣшеній и потому неподлежащія напечатанію въ сборникъ рѣшеній, предоставить канцеляріи, которую для этого и усилить въ соотвѣтственной степени. Ему возражалъ сенаторъ Любощинскій, который призна-

валь необходимымъ дать каждому сенатору особаго секретаря. Онъ злобно осмѣивалъ это Французско-нижегородское учрежденіе по формѣ и по обширности юрисдикціи. Послѣ Любощинскаго говорилъ Буцковскій, редакторъ устава угол. судопр. Онъ полагалъ достаточнымъ, удержавъ докладъ за сенаторами, матеріальный трудъ (изложеніе дѣла и проэктъ опредѣленія, непредназначеннаго къ напечатанію въ сборникѣ) возложить на канцелярію, составъ которой, какъ ниже и число сенаторовъ, необходимо усилить. Суетился неопредѣленно Стояновскій. Въ смыслѣ Буцковскаго, похваливъ порядокъ введенія судебной реформы въ Харьковскомъ округѣ, говорилъ Арцимовичъ, предоставляя министерству назначить новыхъ секретарей или оберъ-секретарей. Важнаго во всемъ этомъ для меня то, что настоящая несостоятельность кассационнаго сената подтверждена всѣми, и министр, кажется, съ радостію слушалъ это подтвержденіе и обѣщалъ свое содѣйствіе, лишь бы предположенія не заключали въ себѣ никакихъ органическихъ измѣненій, для разработки которыхъ до ваканта Государ. Совѣта (15 Мая) нѣтъ и времени. Изложеніе предположеній объ усиленіи состава канцеляріи и сенаторовъ взялъ на себя довольно мало искусный редакторъ Стояновскій. Это шагъ къ отмѣнѣ настоящей кассациі. Во всякомъ случаѣ это поворотъ къ канцелярскому порядку и къ ограниченію гласности.

Была рѣчь вскользь о раздѣленіи департаментовъ на отдѣленія, по разнымъ предметамъ заявленій и объ отнесеніи кассациі на сѣзды къ судебнымъ палатамъ, но остановились на усиленіи канцеляріи и ограниченіи гласности. Несостоятельность, настоящаго порядка произнеслась. Самое собраніе въ домѣ явнаго реакціонера-сенатора Карамзина и въ присутствіи реакціонера-министра было такой непростительной ошибкой, на которую я, наприм., попалъ совершенно случайно, приглашенный за нѣсколько часовъ Карамзинымъ и ничего не зная о предметѣ совѣщанія. Это какая-то ловушка, которую любятъ наши правовѣды и Евреи.

Студентскія исторіи разыгрываются дурно. Болѣе 20 студентовъ университета высланы изъ Петербурга. Сколько мнѣ извѣстно отъ племянниковъ, тутъ, въ студентскихъ сборищахъ, не было Поляковъ, а какъ въ университетѣ, такъ и въ академіи много участвовало Жидовъ. „Моск. Вѣдом.“ подозрѣваютъ и Поляковъ и реакціонерную партію „Вѣсти“ и „Новаго Времени“, которыя („Вѣсть“) получили свѣдѣнія о студентской прокламаціи едва-ли не прежде оберъ-полиційстера и немедленно отпечатали ее на своихъ столбцахъ. Можетъ быть. И Полякъ, и реакція слѣпы и подвинутся на всякую мѣру. Сего дня, для 1 Апрѣля, главное управленіе печати запретило продажу „Вѣсти“

въ разноску. Разводъ мостовъ приостановить открытіе курсовъ, тамъ страстная и святая, и авось страсти молодежи улягутся. Были попытки распространить студентскія требованія въ университетахъ Московскомъ (гдѣ напротивъ были оваціи старикамъ Баршеву и Крылову, тоже, я увѣренъ, искусственныя) и Кіевскомъ. Волненіе Кавказскихъ гимназистовъ, подписи собираемая въ Латышскихъ училищахъ,—все это явленія, можно сказать, предусмотрѣнныя, естественныя при несомнѣнномъ заявленіи Русской партіи, народнаго начала сдѣлаться если не господствующимъ, то по крайней мѣрѣ равноправнымъ на окраинахъ государства, если не преимущественнымъ. Въ публикѣ хорошее впечатлѣніе произвела статья гр. Соллогуба въ „Голосъ“. Также статья—довольно безцвѣтная—кн. Гр. Щербатова въ № 9-го Апрѣля „С.-Пбург. Вѣдом.“, въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ № 95, Гилярова.

Я снова прочелъ процессъ Лезюрка въ докладѣ Фостен-Эли и въ заключеніи Делянгля. Изложеніе юридическое. Ясно. Бой двухъ знаменитостей, изъ которыхъ послѣднее слово принадлежало прокурору, долженъ былъ кончиться побѣдою, торжествомъ Делянгля. Теперь оказывается, что Лезюркъ и Дюбоскъ судились и осуждены не за одно и тоже дѣяніе и что приговоры о нихъ не несогласимы, а объясняются и фактически, и логически, и юридически. Лезюркъ осужденъ какъ одинъ изъ главныхъ виновныхъ, Дюбоскъ какъ пособникъ. Ни одинъ не исключаетъ другого. Пересмотра, возобновленія, нѣтъ.

Митя занемогъ, Тата занемогла. И мать занемогла. Это гриппъ, незапная перемѣна погоды, наступившій холодъ съ вѣтромъ. 12 часовъ. Карауля моихъ трехъ больныхъ, прохожу я жизнь мою, хотя съ 1828 г., время вступленія моего въ Университетъ—и что же?... Допишу завтра.

Боже мой, чего не перемѣнилось въ теченіе этихъ сорока лѣтъ? Чтò осталось, уцѣлѣло отъ прежняго? Вижу 18 лѣтнюю Юлію Кожину—теперь старуха 60 лѣтъ; мать ея, Катер. Захар. теперь 100 лѣтъ, ребенокъ Машенька Любовникова теперь старая дѣва; изъ семейства Купреяновыхъ—одинъ Николенька, таскающійся по монастырямъ и мировымъ судамъ. Уцѣлѣли М. М. Поповъ и Ив. Ив. Лажечниковъ.

На что я говорю о 1828 г.! Возьмемъ позднѣйшій, знаменитый 1843 г. Какъ страшно стираетъ людей наше бойкое время. Почти всѣ государи смѣнились въ эти двадцать лѣтъ.

Какъ измѣнились самыя теоріи, идеи и идеалы, какъ далеко пошли механическія, физическія и химическія приложенія, какаѣ разница въ

пріемахъ и способахъ, но—увы—какъ же и ослабли и положительныя вѣроученія и положительныя законы! Съ одной стороны напираетъ свободная личность, съ другой общительная солидарность. Не выражается-ли тутъ свобода воли человѣка и неминуемость предопредѣленія и судьбы провидѣнія? Замѣчательно, что съ 1848 г. уцѣлѣли королева Викторія и папа Пій IX, да Фридрихъ Меклембургскій. Замѣчательныя противуположности!

Я вынужденъ прибѣгнуть къ гимнастикѣ. Разстройство нервъ начинаеть извращать и слухъ и зрѣніе. Общее сотрясеніе въ тѣлѣ, особенно въ рукахъ. Д. Балинскій находитъ, что у меня въ высшей степени разстроены нервы и прогулка по утру, прогулка передъ обѣдомъ, гимнастика и уменьшеніе занятій необходимы, настоятельны немедленно. Гг. доктора забываютъ, что мнѣ 57 лѣтъ и съ 12 лѣтняго возраста, если не ранѣе, я въ постоянныхъ, непрерывныхъ трудахъ. Они не знаютъ всей обширности моего чтенія, моей заботливости, озабоченности и живости моей мысли и воображенія. Въ настоящее время я лучше нежели былъ прежде. Еще въ 1838 г. я писалъ брату-медику: чувствую, что организмъ мой дезорганизуется. Впрочемъ я исполню требованія д-ра Балинскаго. Машина старѣеть, надобно ее поправлять и оберегать. Три-четыре сеанса гимнастики ничего не принесли, но кажется могутъ принести. И сегодня рука тряслась. 17 Апрѣля. Кажется, гимнастика дѣйствуетъ. 2 Мая. вмѣсто шаколата пилъ кофе. Сердце билось, 6 Мая. Руки все иногда трясутся, 15 Мая.

Возвратившійся съ Лифляндскаго ландтага Гагемейстеръ привезъ ближайшее извѣстіе о „Русской программѣ“ въ Остзейскомъ краѣ. Программа немудреная, и удобопріемная: Русскій языкъ по возможности и постепенно; крестьянскаго вопроса не возбуждать; судебная реформа Нѣмецкая, безъ присяжныхъ; матрикуляція дворянства не распространяется на дѣла хозяйственныя; въ городскомъ управленіи Нѣмецкій и Русскій языки равноправны, земская полиція—помѣщичья. Да, но что же это за программа? Это—старое по старому. Но возможно-ли оно? Не думаю. Не такъ думаетъ Русская партія, не такъ думаетъ и Государь. Здѣсь ни слова нѣтъ о школахъ, а между тѣмъ гр. Толстой предполагаетъ изъять народныя школы изъ вѣдѣнія пасторовъ и подчинить ихъ свѣтскимъ совѣтамъ, введя обязательное обученіе Русскому языку. Потомъ, и судебная реформа должна принять значительную долю Русскаго элемента, да и городское устройство не будетъ сословнымъ. Замѣчательно, что дворянство возложило на предводителя какое-то ходайство, но съ условіемъ: провести дѣло мимо Государств. Совѣта; если же этого нельзя, то бросить дѣло. Какъ „волкъ въ лѣсъ ни смотри“,

но придется имъ поуступить напору государства, съ которымъ эти провинціи связаны природой и исторіей. Лишь бы наши собственные, внутреннія дѣла шли хорошо (а они хорошо задуманы, да незрѣло обдуманы и спѣшно осуществляются), окраины уступать центру тяготѣнія. Не въ порядкѣ вещей, чтобы многочисленное и даровитое племя Славяно-русское не обняло всего предназначеннаго ему поприща и не утвердило своего государственнаго преобладанія.

Сегодня слушалось у насъ дѣло о Дарьѣ Соколовой (См. „Рѣчь“ 271). Я не былъ ни на совѣщательномъ, ни на судебномъ засѣданіи. Я зналъ воззрѣнія моихъ товарищей на это дѣло и не хотѣлъ участвовать въ этомъ безмысленномъ въ высшей степени неюридическомъ процессѣ. Отъ меня сей часъ ушли присяжный повѣренный и мой племянникъ, присутствовавшіе при докладѣ Столповскаго, очень плохомъ (все ворочалъ листы и читалъ), заключеніи (Ковалевскаго, довольно широко, но юридически совершенно несостоятельномъ) и рѣшеніи отказать и прокурору (онъ протестуетъ противъ того, что допустилъ на судъ) и Соколовой (она сознается въ похищеніи по ошибкѣ имущества при ней убитыхъ—хорошъ защитникъ!)

Такое важное дѣло! И такое ребяческое производство!

Слѣдовало хотя бы для юридической совѣсти непременно кассировать: въ постановкѣ вопросовъ и за тѣмъ въ отвѣтахъ присяжныхъ допущены такіе грубые, матеріальные недостатки, что честь новыхъ судовъ требовала кассации. Соколова, если не главная виновная, то непосредственная участница или пособница. 14 (114 и 123 стг. Улож. 1866 г.) ст. разумѣть укрывательство обезпеченное до совершенія или при совершеніи преступленія. Иначе строгость закона немыслима, да и самая статья находится въ отдѣлѣ объ участіи въ преступленіи. У Нѣмцевъ это укрывательство называется *Begünstigung*, у Французовъ—*complicité*.

Читаю романъ Ауербаха—*Auf der Höhe*, который меня очень занимаетъ. Сопоставленіе деревенской простоты съ высокою жизнью двора обрисовано весьма удачно, хотя немножко пристрастно къ первой и антипатично ко второй. При дворѣ только смѣшное и порочное, да развѣ приторное и страстно-ревнивое (королева). Надъ всѣми господствуетъ Ирма, дикій голубь, графиня Вилдспортъ. Эта гениальная женщина и честная душа пала и искупила свое паденіе. Паденіе описано поэтически, превосходно. Искупленіе мелодрамно: эта ночь въ лѣсу, встрѣча съ Ваньпургой на берегу озера и вся четырехлѣтняя

жизнь въ хижинѣ не совсѣмъ вѣроятны и искупаются только запискою: Die Tochter Eberhandis rufft Hünter и смиреніемъ въ присутствіи благословляющаго, отъ имени отца, Гюнтера и великодушной королевы, прощающей все искупленной грѣшницѣ. Ирма, ярко обрисованный идеаль, затемняетъ и царственность короля, и женственность королевы, и деревенскую наивность (ужь слишкомъ продолжительную) Вальпурги. Содержаніе и изложеніе романа увлекательны.

Мы покончили съ Пфелемъ. 14-я часть, безъ подвижности, оцѣнивается въ 4 т. р. Изъ этихъ первыхъ своихъ денегъ жена посылаетъ билетъ выигрышнаго займа (2) Валеріи и Лидіи въ подарокъ; доброе дѣло. Эти дѣвушки скромныя, благородныя, имъ пріятно помочь, и онѣ заслуживаютъ всякаго вниманія.

(Окончаніе будетъ).

